

Недоступно для публикации
до 13.00 10 декабря 2021 года

THE
NOBEL
PEACE
PRIZE

Нобелевское выступление
лауреата Нобелевской премии мира
2021 года
Дмитрия Муратова

Осло, 10 декабря 2021 года

Авторское право © Нобелевский фонд, Стокгольм, 2021 г.

Общее разрешение на публикацию в газетах на любом языке.
Для публикации в периодических изданиях или книгах, в цифровой или электронной форме,
кроме краткого изложения, требуется согласие Фонда.
Все публикации полностью или в большей части должны содержать
указанное выше уведомление об авторских правах.

Антидот от тирании

Ваши Величества! Ваши королевские высочества, уважаемые члены
Нобелевского комитета, уважаемые гости!

Утром 8 октября мне позвонила мама. Спросила, что новенького.

- Да вот, - говорю, - мама, Нобелевскую премию получили...

- Это хорошо. А что еще новенького?

... Сейчас, мама, я все тебе расскажу.

«Я убежден, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой прогресса.

Я защищаю тезис об определяющем значении гражданской и политической свобод в формировании судеб человечества!

Я убежден, что международное доверие, <...>разоружение и безопасность немислимы без открытости общества, свободы информации, убеждений, гласности <...>.

Мир, прогресс, права человека – эти три цели неразрывно связаны».

Это – из Нобелевской речи академика Андрея Сахарова, гражданина Земли, великого мыслителя.

Эту речь прямо здесь, в этом городе, в четверг 11 декабря 1975 года прочитала его жена Елена Боннер.

Я посчитал необходимым, чтобы слова Сахарова прозвучала здесь, в знаменитом на весь мир зале второй раз.

Почему это так важно сейчас для нас, для меня?

Мир разлюбил демократию.

Мир разочаровался в правящих элитах.

Мир потянулся к диктатуре.

Возникла иллюзия, что прогресса можно достигнуть технологиями и насилием, а не соблюдением прав и свобод человека.

Такой вот прогресс без свободы.

Такое молоко без коровы...

Диктатуры обеспечили себе упрощенный доступ к насилию.

У нас в стране (и не только у нас) популярна мысль: те политики, которые избегают крови – слабые люди.

А вот угрожать миру войной – долг настоящих патриотов.

Власть активно **продает идею войны**.

Под влиянием агрессивного маркетинга войны люди привыкают к мысли о ее допустимости.

Правительства и близкие к ним пропагандисты несут всю полноту ответственности за милитаристскую риторику на государственных телевизионных каналах.

Но я видел и другой народ у других телевизоров. Честных и страшных.

Во время чеченской войны на одном вокзале стояли на рельсах пять белых вагонов-холодильников. Возле них круглосуточно была охрана. Это был морг на колесах 124-й лаборатории Министерства обороны.

В рефрижераторах хранились неопознанные тела солдат и офицеров.

У многих уже не было лиц от прямых попаданий или пыток. Начальник лаборатории капитан первого ранга Щербаков делал все, чтобы не осталось безымянных солдат. И в небольшом домике возле путей стоял телевизор. В креслах, как в зале ожидания, сидели матери и отцы пропавших без вести солдат. А оператор с видеокамерой транслировал на экран одно за другим изображения тел. Одно за другим. 458 раз. Столько военных лежали на полках этих вагонов при -15 градусах в своем последнем поезде, пришедшем по маршруту **«Война – Смерть»**. Матери, которые по многу месяцев искали в горах и ущельях Чечни своих мальчиков, увидев на экране лицо своего сына кричали: «Это не он! Это же не он!».

А это был он.

Нынешние идеологи продвигают идею смерти за Родину, а не жизни за Родину. Не дадим этому их телевизору снова себя обмануть.

Гибридные боевые действия, трагическая, безобразная и преступная история с боингом МН-17 разрушили отношения России и Украины, и я не знаю, сумеют ли следующие поколения их восстановить... Тем более, в больших головах геополитиков война России и Украины перестала казаться невозможной.

Но я знаю - войны заканчиваются с опознанием солдат и обменом пленными. На чеченской войне «Новая газета» и наш обозреватель майор Измайлов смогли освободить из плена 174 человека. Если сейчас в моем новом качестве я смогу что-то сделать для возвращения еще живых пленных по домам, скажите. Я готов.

Я хочу вспомнить еще одного человека, получившего премию Мира в этом зале в 1990 году.

Москва. Кремль. 18 апреля 1988 года. Идет заседание Политбюро. Один из советских министров требует оставить войска в Афганистане, Михаил Горбачев жестко прерывает его: **«Прекрати свой ястребиный клекот!»**.

«Прекратить ястребиный клекот!».

Чем не современная программа для политики и журналистики – наладить жизнь без похоронок?

Но в центре Европы к событиям на востоке Украины добавилась на грани большой крови игра белорусского президента Лукашенко. Его военные гонят под автоматами беженцев с Ближнего Востока на цепи автоматчиков, охраняющих границы Евросоюза. Стороны обвиняют друг друга, а обезумевшие люди мечутся буквально между двух огней.

Мы – журналисты, наша работа понятна: разделить факт и ложь. Новое поколение журналистов-профессионалов умеет работать с большими данными, с информационными базами. И мы изучили их, мы нашли, чьи борты доставляют беженцев в точку конфликта. Только факты. **Белорусские самолеты увеличили рейсы в Минск с Ближнего Востока осенью этого года более, чем в четыре раза. 6 рейсов было в августе – ноябре 2020 года и 27 рейсов – за те же месяцы в этом году. 4,5 тысячи человек привезла белорусская компания для возможного прорыва границы в этом году, и только 600 человек – в прошлом. А еще столько же – 6 000 беженцев – доставила авиакомпания из Ирака.**

Так и организуются вооруженные провокации и конфликты. Мы, журналисты, выяснив, как это устроено, сделали свою работу. Дальше – дело политиков.

Народ для государства или государство для народа? Это главный конфликт сегодня. Этот конфликт Сталин решал массовыми репрессиями.

Практика пыток в тюрьмах и во время следствия сохранилась и в современной России. Жестокое обращение, изнасилования, ужасные условия содержания, запрет на свидания, на звонок матери в день ее рождения, бесконечное продление сроков содержания под стражей. До суда за решетку отправляют людей с тяжелыми заболеваниями, у них в заложниках больные дети, от них требуют признания вины без предъявления доказательств.

Уголовные дела по фальшивым обвинениям часто носят у нас политический характер. Оппозиционного политика Алексея Навального держат в лагере по ложному доносу российского директора крупнейшей парфюмерной компании из Франции. Заявление директор написал, но в суд вызван не был и потерпевшим себя не признал... А Навальный – сидит. Сама парфюмерная компания предпочла отойти в сторону, надеясь, что запах этого дела не повредит аромату ее продукции.

Мы все чаще слышим о пытках, применяемых к заключенным и задержанным. Людей пытаются, чтобы сломить, чтобы увеличить жестокость наказания за рамками приговора. Это дикость.

Я выступаю с инициативой создания Международного трибунала против пыток, задача которого собирать данные о применении пыток в разных частях света и государствах. Установить палачей и их хозяев, причастных к подобным преступлениям.

Надеюсь, конечно, в первую очередь, на журналистов-расследователей со всего света.

Пытки должны быть признаны тяжелейшим преступлением против личности.

Кстати, «Новая газета» продолжает выходить и на бумаге. Для того, чтобы нас могли читать и в тюрьмах: там нет интернета.

Две тенденции борются сейчас в России.

С одной стороны, президент России помогает установить памятник к 100-летию академика Сахарова.

А с другой стороны, в нашей же стране Генпрокуратура требует ликвидировать общество «Мемориал». «Мемориал» занимается реабилитацией жертв сталинских репрессий. А обвиняют его прокуроры в «нарушении прав человека»!

Напомню, **«Мемориал» создал Сахаров.**

Может, памятник мертвому Сахарову безопасней, чем его живой действующий проект?

«Мемориал» - не «враг народа».

«Мемориал» - друг народа.

... Мы, конечно, понимаем: эта премия – всему профессиональному сообществу настоящих журналистов.

Мои коллеги разоблачали отмывочные технологии и вернули в бюджет миллиарды украденных рублей, вскрывали оффшоры, останавливали вырубку сибирских лесов. Государство в результате поддержало усилия «Новой газеты», «Эха Москвы», «Дождя», и других коллег по лечению детей, больных редкими заболеваниями, для которых нужны самые дорогие лекарства в мире.

(Я, кстати, надеюсь, представители фарминдустрии, от которых зависят судьбы детей и молодых взрослых с орфанными заболеваниями (в том числе со спинально-мышечной атрофией (СМА)) сядут с нами за круглый стол. Может, они потратятся на доступные

лекарства и раннюю диагностику-скрининг? Может, богатый мир найдет деньги на несколько десятков тысяч мальчиков и девочек, в которых пока еще есть жизнь?). Мы эту премию передаем на помощь больным людям и поддержку независимой журналистики.

Но журналистика в России сейчас переживает темные времена. За несколько последних месяцев уже более ста журналистов, медиа, правозащитников и НКО получили статус «иностранных агентов». В России это - «враги народа». Многие наши коллеги остались без работы. Кто-то вынужден уехать из страны.

У человека отбирают привычную жизнь на неизвестное время. Может, и навсегда... Такое случилось в нашей истории.

В следующем году будет 100 лет, как 29 сентября из Санкт-Петербурга отошел в Германию, в порт Штеттен, **«философский пароход»** - очередной рейс, на котором большевики выгнали из России почти 300 виднейших представителей интеллектуальной элиты. На пароходе «Oberburgermeister Naken» отправили в изгнание будущего изобретателя вертолетов Сикорского, создателя телевидения Зворыкина, философов Франка, Ильина, Питирима Сорокина. Крупнейший мыслитель Николай Бердяев тоже был там. Как и всем, ему разрешили взять пижаму, две рубашки, две пары носков и зимнее пальто. Так Родина попрощалась со своими великими гражданами: вещи оставляйте, а мозги можете забирать с собой.

С журналистами и правозащитниками сегодня картина повторяется.

Теперь вместо «философского парохода» улетает «журналистский самолет».

Это метафора, конечно, но десятки представителей нашей профессии покидают Россию.

Но а кого-то лишили и такой возможности.

Орхана Джемалю, Кирилла Радченко, Александра Расторгуева, российских журналистов, безжалостно расстреляли в Центральноафриканской Республике, куда они приехали расследовать деятельность одной из российских частных военных компаний. Вдова Орхана, Ира Гордиенко работает у нас в «Новой газете». С момента убийства, 30 июня 2018 года, она разоблачает ложь официального следствия. Вот вам только одна деталь: бесценные вещественные доказательства – одежда погибших была просто сожжена полицейскими властями ЦАР! Никаких результатов не добилось российское следствие. Да и международное тоже. Генсек ООН Антониу Гутерриш обещал содействовать в расследовании. Он, наверное, забыл об этом. Вот, напоминаю.

... Меня, конечно, как всегда, могут спросить: а зачем ваши коллеги туда полезли?

А чтобы свидетельствовать. Чтобы доказать. Чтобы лично увидеть. Чтобы, как сказал великий военный фотограф Роберт Капа: **«Если тебе твой снимок не нравится, значит, ты был недостаточно близко».**

«А разве не страшно?» - самый частый вопрос моим коллегам.

Это их миссия. Когда правительства все время улучшают прошлое, журналисты пытаются улучшить будущее.

И эта премия – всей настоящей журналистике. Эта премия моим погибшим коллегам из «Новой газеты» - Игорю Домникову, Юрию Щекочихину, Анне Политковской, Анастасии Бабуровой, и Стасу Маркелову, Наташе Эстемировой. Эта премия и живым коллегам, сообществу, которое выполняет профессиональный долг.

... За день до объявления об этой награде мы отметили 15 лет со дня убийства Анны Политковской. Убийцы получили справедливые приговоры, но заказчик преступления не найден, а срок давности истек. Официально заявляю: **редакция «Новой газеты» этот срок давности не признает.**

...В русском и в английском, и в других языках есть поговорка: «Собака лает, а караван идет» - «The dog bark's, but the caravan goes on». Ее трактуют так: движению вперед каравана ничто не помешает. Иногда власть так пренебрежительно говорят о журналистах. Они лают, но ни на что не влияют.

А я недавно узнал, смысл поговорки имеет противоположное значение. Караван идет вперед, потому что собаки лают.

Рычат и кидаются на хищников в горах и пустынях. И движение вперед возможно только, когда они сопровождают караван.

Да, мы рычим и кусаем. У нас клыки и хватка.

Но мы – условие движения.

Мы - антидот от тирании.

P.S.

Я хотел сэкономить минуту.

Давайте встанем и почтим минутой молчания наших с Марией Рессе коллег-репортеров, отдавших жизни за эту профессию, и поддержим тех, кто подвергается преследованиям.

Я хочу, чтобы журналисты умирали старыми.